

ОТ АВТОРА

В

начале августа 1998 года я ехала в утренней электричке из города Кандалакша, стоящего на берегу Белого моря, в поселок Пояконда, расположенный на берегу того же моря. Ехала я в компании людей, которые были существенно меня старше и на северных морях работали намного дольше: Виталия Витальевича Бианки, ведущего научного сотрудника Кандалакшского заповедника, Александра Сергеевича Корякина, главы научного отдела того же заповедника, и Евгения Александровича Нинбурга — создателя и руководителя юношеского научного объединения, которое более полувека работает на Белом море. Мы ехали на биостанцию МГУ, на научную конференцию, приуроченную к 60-летию ее юбилею. Своих спутников я давно знала по совместной работе в заповеднике и воспринимала отчасти как неотъемлемый элемент пейзажа. Утренняя электричка неожиданно изменила угол зрения. Получилось, что именно там — среди дачников с корзинами и рюкзаками, среди дорожных рабочих, везущих от полустанка до полустанка громыхающие железяки, — я впервые услышала разговоры старожилов Белого моря. Сто километров от Кандалакши до Пояконды электричка ползет почти три часа, разговоров было много. Мои спутники вспоминали предыдущие поездки на биостанцию и работающих там людей, говорили о других биостанциях и других временах. За окнами электрички мелькали безымянные полустанки, в разговоре мелькали имена и названия. И я вдруг поняла, что вот сейчас, в этой холодной электричке, неторопливо ползущей среди северной тайги, я слушаю рассказы об огромном мире, полном потрясающих историй и людей и совершенно неизвестном миру внешнему, — о мире северных биологических станций. И там же я поняла еще одну вещь — что весь этот мир хранится только в памяти людей и неизбежно уйдет вместе с ними.

Потрясенная своим открытием, я решила сделать все возможное, чтобы не дать этому миру сгинуть бесследно. Так я начала собирать материалы по истории северных биостанций: фотографии, публикации, воспоминания. На их основе еще в начале 2000-х гг. я хотела написать книгу, но, обнаружив, что никакая книга не в силах вместить собранные материалы, сделала вместо нее сайт «Литторины на литорали» (www.littorina.info, 2005), который стал своего рода электронным архивом истории северных биостанций.

Теперь я очень рада, что не взялась писать эту книгу горяча. Лишь сейчас, через 40 лет работы на Белом море и 20 лет изучения истории биостанций, я не только накопила огромный архивный материал, но и обрела знакомых, связанных со всеми станциями – как существующими ныне, так и прошлыми. Такое мое положение оказалось вполне уникальным и существенно облегчило работу над книгой – но одновременно и затруднило ее. «Кому много дано, с того много и спросится, и кому доверено многое, с того больше и взыщется» (Евангелие от Луки 12:48). Я не случайный журналист, на которого сотрудники биостанций махнут рукой: «Еще один чепухи понаписал!» За достоверность и качество книги я отвечаю перед всеми, кто доверил мне свои воспоминания, кто помогал в сборе материала, перед каждой из описанных здесь биостанций.

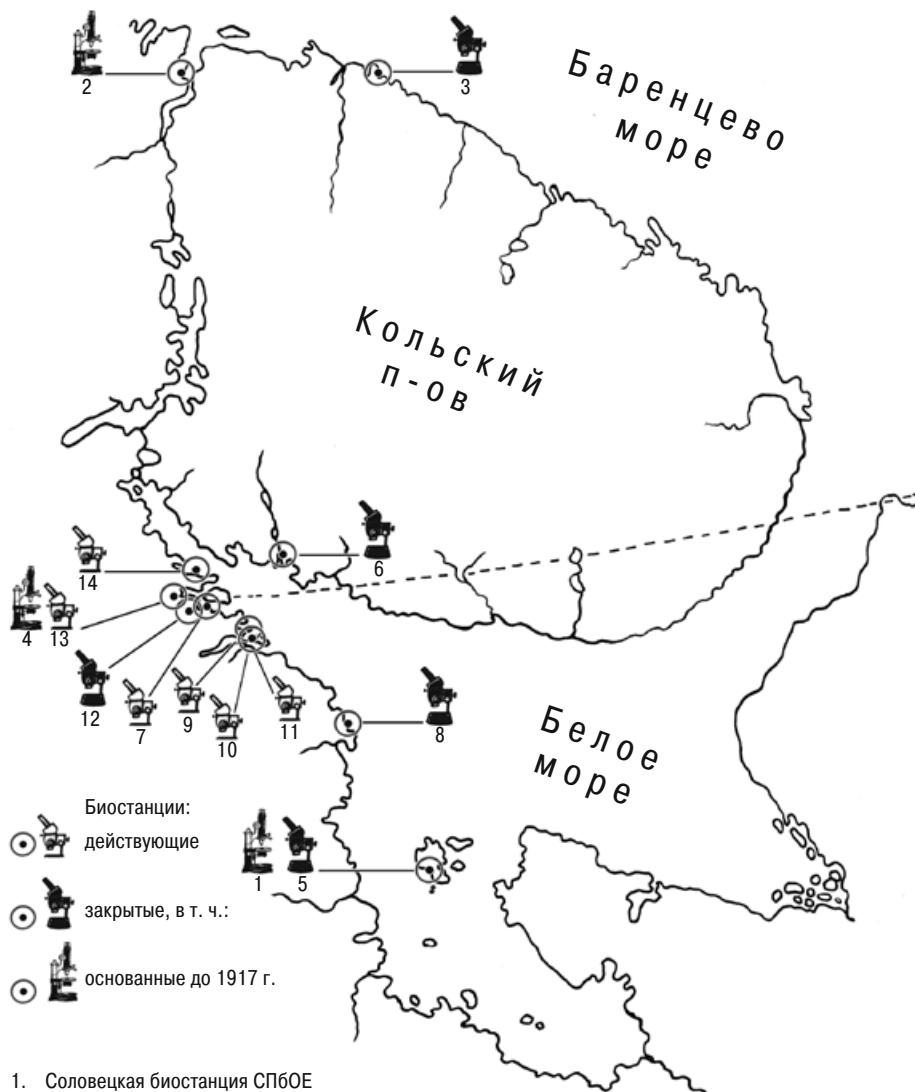
На пути переложения истории биостанций в удобочитаемую и интересную для внешнего мира книгу меня ожидало много сложностей. Про старые станции информации часто не хватало, и ее уже не у кого было узнать. Про современные – наоборот, ее было слишком много, и чем-то неизбежно приходилось жертвовать. Необходимо было рассказать о научных работах, ради которых биостанции существуют, но при этом не дать книге превратиться в скучный учебник биологии. Сложно оказалось даже придумать структуру книги. Историю логично рассказывать в хронологическом порядке, но разные биостанции часто существовали параллельно, их судьбы переплетались и объединялись тематикой и местами проведения исследований, личностями ученых, и все это никак не помещалось в двухмерное пространство книги. Вдобавок ко всему через каждую биостанцию прошло огромное число людей, и среди них множество людей замечательных. Как бы мне ни хотелось рассказать о каждом, сделать это в пределах одной книги невозможно.

В книге вы не найдете полного перечня научных работ каждой станции и упоминания поголовно всех работавших там людей. Я прошу читателей учесть это обстоятельство, а коллег — простить. В каждой из северных биологических станций есть некая магия: магия места и магия личности. Вместе они создают уникальную историю и атмосферу каждой станции. Своей задачей я видела не составление исчерпывающего справочника, а передачу этой атмосферы. Сохранение же памяти обо всех, кто работал на биостанциях — другая, не менее необходимая задача, и для ее решения существует вышеупомянутый сайт. В книге я сознательно ограничиваю широту охвата, предпочитая ей глубину и достоверность знакомства.

Прошло больше 20 лет с поездки в той утренней электричке, с которой, по сути, началась эта книга. Уже нет на свете многих ее героев, тех людей, с которыми я успела познакомиться и поговорить, когда ездила по биостанциям и разыскивала их бывших сотрудников в разных городах. Светлая память и низкий поклон всем ушедшим сотрудникам биостанций, которые доверили мне хранить свои воспоминания и архивы: В. Я. Бергеру, Н. А. Вержбинской, А. А. Добровольскому, О. М. Ивановой-Казас, Л. И. Москалеву, В. И. Преображенской, Г. А. Соколовой, В. Н. Танасийчуку, Л. П. Флячинской. Огромная благодарность всем сотрудникам биостанций, которые не только потратили много времени и сил, помогая мне в работе над этой книгой, но и великодушно приняли тот факт, что в чем-то наши взгляды на их любимые станции могут различаться. Моими помощниками были А. И. Азовский, Т. А. Бек, И. В. Бурковский, Р. Н. Буруковский, А. А. Георгиев, М. Н. Герасимова, А. И. Гранович, А. К. Дондуа, В. Ю. Евстигнеев, Л. С. Житина, М. В. Калякин, К. Н. Кособокова, Е. Д. Краснова, Е. И. Кудрявцева, Е. В. Курганов, О. В. Максимова, А. В. Марков, Л. Н. Миронова, Г. Е. Михайловский, А. Д. Наумов, Ч. М. Нигматуллин, Д. К. Обухов, И. Н. Панов, Ю. Н. Рыбаков, Р. М. Сабиров, Ю. С. Слюсарев, А. А. Сухотин, С. И. Фокин, В. В. Халаман, В. В. Хлебович, А. Б. Цетлин. Также благодарю всех, кто помог в поиске иллюстраций для книги и предоставил фотографии из личных архивов.

И я бесконечно признательна всем тем людям, благодаря которым российские северные биостанции существуют вот уже 160 лет и, надеюсь, будут существовать и впредь.

КАРТА-СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ БИОСТАНЦИЙ

1. Соловецкая биостанция СПБОЕ	10. Морская биостанция ЛГУ/СПбГУ
2. Мурманская биостанция СПБОЕ	11. Беломорская биостанция КГУ/КФУ
3. Мурманская морская биостанция АН СССР, ММБИ	12. Лапутия и Нильма – базы кафедры гидробиологии биофака МГУ
4. Биостанция К. К. Сент-Илера	13. База биологических исследований в дер. Черная Река
5. Биостанция Соловецкого об-ва краеведения	14. Биологическая станция «Наш Дом»
6. Беломорская методическая станция ГТИ	
7. Беломорская биостанция биофака МГУ	
8. Гридинская морская биостанция К.-ФГУ	
9. Беломорская биостанция «Картеш» ЗИН РАН	

ВВЕДЕНИЕ

Едва ли многим из читателей – если только они не специалисты-зоологи – известно, что у нас, на крайнем севере ... существует так называемая зоологическая станция, немногие, вероятно, знакомы также с целями и задачами таких станций и с историей их возникновения...

В. А. Фаусек, 1899

С

тех пор как были написаны эти слова, прошло более 120 лет. За этот срок мир в целом и биология в частности изменились колоссально. Но в том, что касается осведомленности широкой публики о биологических станциях, не изменилось почти ничего: большинству людей по-прежнему совершенно неизвестно, что это такое, а значит и не понятно, о чем эта книга. А потому автор считает своим долгом дать некоторые пояснения, чтобы читатель мог принять обоснованное решение, стоит ли тратить время на прочтение следующих четырехсот страниц.

С формальной точки зрения биологическая станция – это научно-исследовательское и учебное учреждение, то есть примерно то же самое, что научно-исследовательский институт или университет. Однако от институтов и университетов биостанцию отличает одно обстоятельство: здесь природу изучают в естественных условиях. То есть не приносят фрагменты этой природы в городские лаборатории в виде заспиртованных препаратов или снятых шкурок, а сами ученые приезжают работать туда, где растения и животные живут своей жизнью. Это обстоятельство меняет все. Оно определяет и места, где располагаются биостанции, и характер людей, на них работающих, и виды работ, и сам способ жизни в целом. Именно это обстоятельство делает биостанции отдельным миром с собственной увлекательной историей.

Сама по себе идея изучать природу, находясь непосредственно в природе, кажется совершенно очевидной, а потому можно предположить, что биологические станции существуют очень давно. Но оказывается, это совсем не так: биология как наука ведет отсчет еще от Аристотеля, а первые биостанции возникли

лишь в середине XIX века. До этого биологи изучали природу в музеях, зоопарках, ботанических садах и городских лабораториях, а для работы в природе снаряжали экспедиции. Как же биология на протяжении двадцати веков обходилась без биостанций и почему они все-таки появились? Об этом, с присущей ученым XIX века элегантною наглядностью, рассказал зоолог, сотрудник первой российской северной биостанции Виктор Андреевич Фаусек¹.

«В старину все делалось просто. Натуралист, пристрастившись к морской фауне, представлявшей тогда почти непочатое поле для исследования, улучал первое свободное время и первые свободные деньги, чтобы, захватив с собою лупу и микроскоп, скальпели и пинцеты, сетки и стеклянные банки, провести лето где-нибудь на берегу моря. <...> Такие занятия заключали в себе, конечно, множество неудобств. Натуралисту приходилось встречать почти неодолимые препятствия для успешного хода научных исследований. Он нуждался в посуде и в аквариях, дорого стоящих и неудобных для перевозки, в инструментах и приспособлениях. Отсутствие под рукой необходимых книг постоянно тормозило работу. Много хлопот доставляло добывание лодок, приборов для ловли, неумение и непонимание его требований со стороны лодочников и рыбаков. Мало-помалу стала сказываться настоящая потребность в основании постоянных помещений, специально приспособленных для зоологических занятий на берегу моря. Дальнейший прогресс науки еще более затруднил такие морские экскурсии. Зоология стала принимать все более и более характер лабораторной науки. Применение микротомы — инструмента, при помощи которого можно приготовить ряд тончайших разрезов из самых крохотных животных, из самых мелких частей организма, — придало новую, чрезвычайную силу микроскопическим исследованиям и повлекло за собою целый ряд других приспособлений... Теперь зоолог, если он анатом и эмбриолог, не может приехать в любое местечко на берегу моря, расположиться в гостинице или наемной квартире, расставить посуду, вынуть свой микроскоп и работать. Ему трудно обойтись без лаборатории, где у него были бы постоянно под рукой все приспособления и все вещества, необходимые для сложных манипуляций микроскопического исследования организмов».

После такого объяснения становится понятна логика событий: биостанции возникли в тот момент, когда в биологии,

1 Фаусек В. А. 1913. Биологические этюды. СПб. : тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1913. 473 с.

с развитием физиологии и эмбриологии, начали преобладать лабораторные методы исследования, когда из науки в основном описательной она стала превращаться в науку экспериментальную. Актуальность биостанций моментально подтвердилась жизнью, они стали расти как грибы по всему миру: в Европе, Америке и даже Австралии. Вот только самые первые из них: морские биостанции в Остенде, Бельгия (1843), Конкарно, Франция (1859), Аркашоне, Франция (1863), Севастополе, Россия (1871), Вудсхолле, США (1871), Роскове, Франция (1872), Неаполе, Италия (1872).

Заметную роль в возникновении и развитии института биостанций сыграли русские ученые. Страстным адептом их создания был знаменитый путешественник, этнограф и антрополог Н. Н. Миклухо-Маклай, по его инициативе возникла первая российская биостанция в Севастополе (1871), а в 1881 г. благодаря его усилиям была организована биостанция в окрестностях Сиднея (Австралия). Профессор Киевского университета А. А. Коротнев в 1886 году организовал русскую биостанцию в Виллафранке (Франция). Самая знаменитая, Неаполитанская биостанция основана немецким зоологом Антоном Дорном в 1872 году, но идея ее создания возникла несколько ранее, в 1868–1869 годах, когда Дорн работал на Сицилии вместе со своим приятелем и соучеником по Йенскому университету Миклухо-Маклаем. Именно тогда, столкнувшись с трудностями организации зоологических исследований «на дому», молодые ученые пришли к выводу о необходимости биологических станций. Созданная Дорном Неаполитанская станция была настоящим международным научным центром. В ней существовала система «рабочих столов», которые за определенную плату абонировали правительства и организации разных стран. С 1874 года до начала 1930-х годов на Неаполитанской станции существовали и «русские столы», за которыми успели поработать более 160 русских ученых².

Самые первые биостанции возникли на морях, чуть позже они появились также на озерах и реках, но морских по-прежнему большинство. Привязка биостанций к морю легко объяснима: именно в море зародилась вообще вся жизнь на нашей планете, и по сей день именно здесь наиболее велико разнообразие живых существ. Гораздо менее очевиден ответ на вопрос, почему речь

2 Фокин С. И. 2006. Русские ученые в Неаполе. СПб. : Алетей, 2006. 378 с.

в этой книге пойдет именно о северных биостанциях. Казалось бы, гораздо приятнее и удобнее работать на теплых южных морях, и именно на них и должны в основном базироваться биостанции. И действительно, значительная часть европейских биостанций расположена на средиземноморском побережье. Но не все так просто, и одной лишь приятностью работы на теплом море вопрос не исчерпывается.

Для полноценной работы морской биологической станции требуется настоящее море: с соленой водой, с приливами и отливами, с богатой и разнообразной флорой и фауной. Кроме того, необходимо, чтобы до этого моря было сравнительно легко добираться из крупных научных центров. В Европе найти подобное сочетание условий несложно, а вот Россия такими морями совсем не богата. Балтийское, Черное и Азовское моря — внутренние, мелководные, практически бесприливные, с низкой соленостью и поэтому со сравнительно скудной флорой и фауной. Дальневосточные Берингово, Японское и Охотское — полноценные моря, но очень уж далеко расположены: для всех, кто живет западнее Урала, добираться до них сложно и дорого. И остаются только моря Северного Ледовитого океана, а из них — и по транспортной доступности, и по климатическим условиям — для устройства биостанций подходят только два: Белое и Баренцево. Вот почему первая российская биостанция, Севастопольская (ныне Институт биологии южных морей), так и осталась одной из очень немногих отечественных станций на теплых морях, тогда как появившаяся чуть позже северная Соловецкая станция оказалась прародительницей целого созвездия биостанций, расположившихся на берегах Белого и Баренцева морей³.

Что представляют собой биостанции? Фактически — это крохотные поселки, куда на какое-то время приезжают из крупных университетских городов работать ученые и учиться студенты. Для работы биостанций важно, чтобы окружающая природа подвергалась

3 В списке российских морских биостанций за всю историю их существования имеются лишь 3 на Черном море (Севастопольская, Новороссийская и Карадагская) и целых 15 — на Белом и Баренцевом морях. Дальний Восток также богат морскими биостанциями: только в Приморском крае и на Камчатке их не менее 10 (Национального научного центра морской биологии им. А. В. Жирмунского, Тихоокеанского океанологического института ДВО РАН, Дальневосточного федерального университета и др.). К сожалению, богатая история дальневосточных морских биостанций до сих пор не описана.

минимальному влиянию человека, поэтому ученые забираются в глухие уголки, где находят оптимальные условия для научных исследований. Вместе с тем в такой глухомани очень тяжело обеспечить быт. Во многих случаях эта задача была бы и вовсе невыполнима, если бы не существующие неподалеку деревни, которые задолго, часто за несколько столетий до появления биостанций, начали приспособляться к жизни в этих местах. Топонимы и знакомые местным жителям тропы, их умения и знания, орудия и транспортные средства органично вплетаются в жизнь биостанций, помогают ученым устроиться и работать в новом месте. На биологических станциях местные жители и приезжие научные сотрудники образуют своего рода симбиотическое сообщество, их отношения становятся для каждой из сторон и полезными, и необходимыми.

В силу этого и множества других обстоятельств на биостанциях складывается очень своеобразная жизнь, которая, без сомнения, представляет собой определенный социокультурный феномен. В некотором роде биостанции схожи с монастырями – своим расположением вдали от мирской суеты, собранием в одном месте людей одной «веры», отделенностью от внешнего мира. Так же, как когда-то монастыри, биологические станции становятся в глухих уголках страны средоточием культуры и просвещения. И внутренняя жизнь их так же очень мало известна и плохо понятна широкому миру.

До настоящего времени, если не считать отдельных статей, единственным популярным источником сведений о жизни российских северных биостанций была небольшая книжка «Морские биологические станции на Русском Севере»⁴. Ее авторы, профессиональные биологи и историки науки, сделали великое дело, впервые собрав воедино информацию о шести северных биостанциях. Однако из-за небольшого тиража (300 экз.) и довольно строгого академического стиля изложения книга эта почти не вышла за пределы профессионального сообщества. Кроме того, авторы ограничили период описания 1938 годом, исключив, таким образом, из рассмотрения все ныне существующие биостанции.

Предлагаемая вашему вниманию книга и содержательно, и стилистически рассчитана на более массового читателя. Тематические

4 Фокин С. И., Смирнов А. В., Лайус Ю. А. 2006. Морские биологические станции на Русском Севере (1881–1938). М. : Товарищество научных изданий КМК, 2006. 129 с.

и временные рамки существенно расширены: описано уже не 6, а 14 морских биологических стационаров⁵, включая работающие в настоящее время. Однако с точки зрения истории биологических исследований на северо-западных морях России и эта книга не полна. Естественные ограничения, накладываемые форматом книги, так же как и невозможность «объять необъятное», вынудили автора отказаться от описания истории морских экспедиций и заповедников, с которыми тесно сплетена работа биологических станций.

Тем не менее автор надеется, что эта книга смогла решить свою главную задачу: открыть для читателей таинственный и прекрасный мир биологических станций Русского Севера.

5 Из-за скудного количества материалов сюда не вошел рассказ о научно-промышленной станции Института по изучению Севера в губе Порчниха на Восточном Мурмане, которая проработала всего три года, с 1927 по 1930 г. Краткую информацию об этой станции можно найти в книге: Фокин С. И., Смирнов А. В., Лайус Ю. А. Морские биологические станции на Русском Севере (1881–1938). М. : Товарищество научных изданий КМК, 2006.

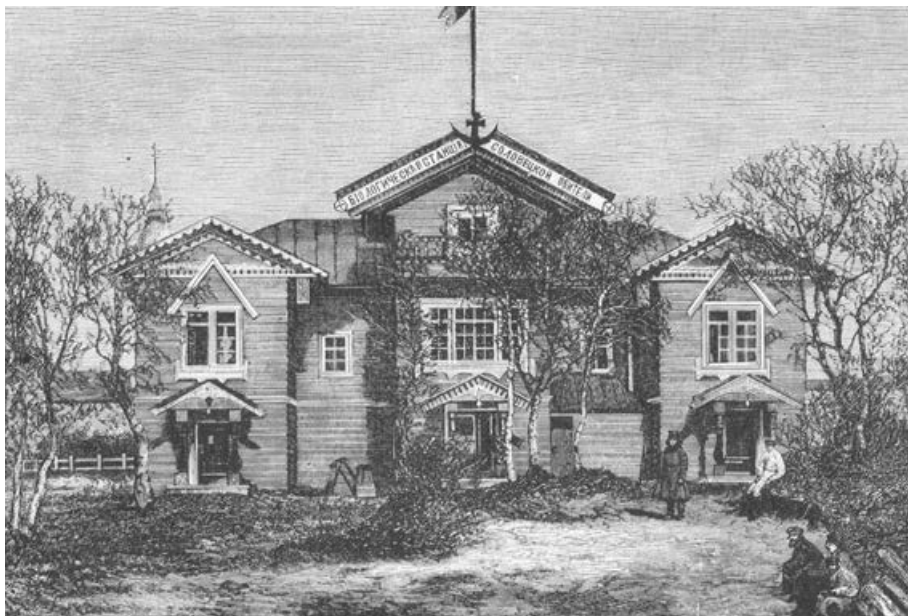

ГЛАВА 1

*Биологическая станция
Соловецкой
обители*

СОЛОВЕЦКАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ
Остров Большой Соловецкий, Онежский залив, Белое море.
1882–1899

Здание Соловецкой биологической станции.

Гравюра из книги Н. П. Вагнера «Беспозвоночные Белого моря», 1885

Б

«Биологическая станция Соловецкой обители» — именно так было написано на здании, в котором в конце XIX века работала биологическая станция Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей: первая в России северная биостанция и первая в мире биостанция в полярных водах. Не будь Соловецкого монастыря — станция не возникла бы в этом месте. Не будь Соловецкого монастыря — не прекратила бы свое существование. Недолгая история этой станции стала неким предсказанием, мимолетным, но на удивление точным наброском всей будущей истории северных биологических стационаров. Они рождались благодаря воле одного человека и умирали по воле другого. Крупные научные открытия непринужденно сочетались с мелкими дрызгами. Совершенно неожиданные люди оказывались помощниками в работе биологов, а те, чьей прямой обязанностью это являлось, могли оставаться на диво равнодушными. И все это существовало в бесценной оправе северной природы, молчаливо вззирающей как на величие, до которого может подниматься человеческий дух, так и на бездны его суетности.

РОЖДЕНИЕ И РОДИТЕЛЬ

Соловецкая биологическая станция Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей официально существует с 1882 года. Но путь, приведший к созданию этой станции, начался как минимум на 15 лет раньше, в 1867 году, когда в Санкт-Петербургском университете состоялся первый Всероссийский съезд естествоиспытателей. Съезд принял решение об организации при каждом

университете России своего общества естествоиспытателей. Петербургское общество было учреждено спустя год. Немедленно после образования был составлен научный план Общества, в котором изучение Русского Севера занимало важное место. В 1869 году состоялась первая северная зоологическая экспедиция Общества, которая работала в течение четырех месяцев в Белом море и вдоль Мурманского побережья Баренцева моря.

Следующая экспедиция Общества на север состоялась в 1876 году. Санкт-Петербургский университет выделил на ее работу 800 руб., его императорское высочество великий князь Константин Николаевич, адмирал и управляющий флотом и морским ведомством, предоставил в распоряжение экспедиции паровую шхуну «Самоед». Возглавлял экспедицию профессор Санкт-Петербургского университета Николай Петрович Вагнер. Именно профессору Вагнеру, а также стечению целого ряда обстоятельств мы обязаны возникновением первой северной биостанции.

Тем летом Николаю Петровичу Вагнеру исполнилось 47 лет, и он уже сделал практически все, что впоследствии составило содержание статей о нем в энциклопедиях и справочниках. Стал профессором зоологии Казанского, а затем Санкт-Петербургского университета. Произвел сенсацию в научном мире и получил Демидовскую премию Академии наук¹ за работу «Самопроизвольное размножение гусениц у насекомых», в которой впервые был установлен факт педогенеза². Стал автором художественной и очень популярной в свое время книги «Сказки Кота Мурлыки». Увлёкся спиритизмом и стал одним из самых горячих его сторонников в России. Даже столь лаконичный перечень занятий показывает, что профессор Вагнер был не самой ordinарной, а отчасти даже скандальной личностью. Но было у него очень

1 Демидовская премия — российская негосударственная премия для ученых, внесших выдающийся вклад в развитие наук, ежегодно вручалась в 1832–1865 гг. Учреждена уральским промышленником, камергером двора Его Императорского Величества Павлом Николаевичем Демидовым. Вручалась за опубликованные оригинальные сочинения на русском языке; лауреатов отбирала Императорская академия наук. Размер полной премии составлял 5000 руб. ассигнациями, также выдавались половинные премии. С премией выдавалась медаль. Демидовская премия считалась самой почетной неправительственной наградой в Российской империи.

2 Педогенез — способ «девственного» размножения, без участия самца. У личинок развиваются неоплодотворенные яйцеклетки, дающие начало новому поколению. Характерен для некоторых видов беспозвоночных.

важное свойство, отмеченное его младшим коллегой В. М. Шимкевичем: «У Н. П. Вагнера было несомненное зоологическое чутье, которое помогает находить интересные темы для исследования и подмечает те области, где возможно ожидать наиболее заслуживающих внимания в данную эпоху результатов» (Шимкевич, 1908). Возможно, именно это чутье Вагнера и стало причиной появления Соловецкой биологической станции — родоначальницы всех будущих северных биостанций.

Пока другие участники экспедиции обследовали Мурманский берег Баренцева и все берега Белого моря, Вагнер «взял на себя частную, но более обещающую задачу — обследовать один угол этого моря, довольно обширную бухту, богатую маленькими островками, — бухту Соловецкого монастыря» (Вагнер, 1877). Это место покорило его совершенно. Оставленное Вагнером описание предельно точно формулирует причины создания биостанции, но при этом по поэтичности не уступает его сказкам. «Наверное, ни одна местность не способна окружить исследователя таким тихим, уютным покоем, таким отчуждением от интересов дня, интересов насущной жизни, как бухта Соловецкого монастыря, которому я поистине обязан полными удобствами для моих исследований. Эта невозмутимая тишина среди пустынных, безлюдных мест, эта полная свобода, данная исследователю располагать вполне своим временем и делом, должны, по-моему, привлечь каждого, желающего без помехи работать над жизнью морских животных. Но в то же время это отчуждение от цивилизованной жизни крайне затруднительно для исследователя, лишенного книг, инструментов, приборов, посуды и пр. Чтобы воспользоваться удобствами местности и уничтожить эти неудобства, мне пришла мысль учредить на берегу Соловецкого острова зоологическую станцию» (Вагнер, 1877).

*Николай Петрович Вагнер
(1829–1907).*

Архив СПбОО (Фокин, 2011)

Примечательно, что Вагнер сразу же задумал не одну, а целую сеть биологических станций для изучения малоизвестной в то время фауны Белого моря («учреждение одной станции, в одном углу целого моря, слишком недостаточно») и даже начал предпринимать для этого конкретные шаги («чтобы помочь по возможности этому делу, я вошел в сношения с морским министерством и получил помещение еще для двух станций в зданиях маяков, на мысах Орловском и Св. Носа»). Увы, совершенно правильная идея профессора в то время не реализовалась из-за отсутствия финансирования.

Что до станции Соловецкой, то уже во время экспедиции Вагнер начал переговоры с настоятелем Соловецкого монастыря архимандритом Феодосием, однако первая попытка оказалась неудачной. Феодосий предложил для станции домик на берегу Анзерского пролива, в Ребалде, в 15 верстах от монастыря. «Понятно, что в такое помещение можно было бы рискнуть отправиться почти с такими же удобствами, как в какой-нибудь необитаемый остров», — замечал Вагнер.

«БЛАГОДАРЯ ПРОСВЕЩЕННОМУ ВНИМАНИЮ АРХИМАНДРИТА»

Очень вероятно, что Соловецкая биологическая станция и вовсе не была бы никогда создана, если бы в 1879 году настоятелем Соловецкого монастыря не стал архимандрит Мелетий, который по праву может считаться вторым родителем Соловецкой биостанции или, что более приличествует его сану, ее крестным отцом.

Человек прогрессивных взглядов, он внедрил в жизнь монастыря много технических новшеств, живо интересовался естественными науками и сразу откликнулся на просьбу биологов предоставить помещение для биологической станции. Покровительство архимандрита Мелетия было не просто актом благотворительности, но и поступком рачительного хозяина. Соловецкий монастырь планировал вселить в многочисленные озера острова несколько новых видов рыб, заботился о рациональных методах ведения рыбных и звериных промыслов. Помощь, которую могла оказать в этих начинаниях биологическая станция, была несомненна, и Мелетий прекрасно это понимал.

Летом 1880 года небольшая экспедиция в составе Н. П. Вагнера и профессора Харьковского университета Льва Семеновича Ценковского вновь побывала на Соловках, и переговоры с Мелетием были продолжены. «Зная уже... что в Соловецком монастыре можно найти не только приют и некоторый комфорт, но даже содействие в ученых предприятиях, я прямо отправился на Соловецкие острова, где, действительно, благодаря просвещенному вниманию архимандрита отца Мелетия, я пользовался вместе с проф. Вагнером прекрасным помещением и здоровой пищей. В распоряжении нашем была лодка с тремя гребцами и экипаж для разездов; на обратном пути мы могли воспользоваться монастырским пароходом, отправленным специально для этой цели в Сумы³. Наконец, сочувствие отца Мелетия к изучению флоры и фауны Белого моря выразилось обещанием выстроить против монастырской гостиницы биологическую станцию. С этою целью был составлен пр. Вагнером проект и им же нарисован план будущего ученого центра для исследования арктической природы. Петербургское и Харьковское общество естествоиспытателей, оценивая столь дорогое для науки сочувствие, почтило отца Мелетия выбором: первое в действительные, второе в почетные члены; со своей стороны я могу только присоединиться к названным обществам, чтобы выразить отцу Мелетию глубокую благодарность за участие и покровительство, которое он мне оказывал»⁴ (Ценковский, 1881).

Рождению биостанции помогли не только прогрессивные взгляды архимандрита, но и те чисто личные отношения, полные взаимной симпатии, которые сложились у него с профессором Вагнером. Их переписка продолжалась много лет, и в каждом письме Мелетий желал здоровья не только профессору и его семейству, но и науке. «Прошу, мой почтеннейший Николай Петрович, представить на Вас Божье благословение молитвами преподобных Зосимы и Савватия, да здравствуете с дорогим вашим семейством и наукою. <...> Бог Вам в помощь в Вашем труде в обучении молодого поколения на пути истинной и правдивой науки» (цит. по: Фокин, 2013).

3 Имеется в виду село Сумский Посад на р. Сума, в 3,5 км от Онежской губы Белого моря.

4 Позже, в 1887 г., по ходатайству Санкт-Петербургского университета за труды по устройству Соловецкой биологической станции архимандрит Мелетий был награжден орденом Святого Владимира IV степени.

Для биологической станции Мелетий предложил использовать здание рыбных промыслов, называемое сельдяной избой, — оно располагалось на берегу Соловецкой бухты, на маленьком мысу, и отделялось от монастыря лишь небольшим заливчиком. Из письма архимандрита Мелетия профессору Вагнеру: «Имел честь я получить Ваше почтенное письмо, в коем выражаете желание, чтобы Соловецкий монастырь, для пользы приморского края жителей и их детей, основал образовательное заведение для искусственного рыбоводства, где бы натуралисты могли изучать естественные условия для жизни рыб и вообще животных Белого моря. А вместе с заведением искусственного рыбоводства предлагаете, чтобы обитель Соловецкая устроила и биологическую станцию, где бы натуралисты, приезжающие на Белое море, могли иметь приличный приют и необходимые средства для их занятий, так, чтобы эта станция могла оказать значительное влияние на развитие науки. Согласно Вашего желания, я и Учредительный Собор вполне разделяем Ваше мнение и желание привести во исполнение. Поэтому наша сельдяная изба, стоящая на берегу Соловецкой бухты, может вполне служить, как изволите писать, базисом для этого учреждения. К этой избе, согласно Вашего проекта и плана, обитель сделает пристройку, где будет размещено рыбоводное заведение для выплаживания икры и первоначальный питомник. А наверху избы построит второй этаж для помещения биологической станции...» (цит. по: Гинецинская, Захарова, 1983).

Второй этаж над сельдяной избой был надстроен уже в 1881 году, о чем архимандрит Мелетий сообщал в письме к Вагнеру: «Возлюбленный Николай Петрович, Бог мне помог устроить предполагаемое помещение для Биологической станции, по тому плану, который Вы в свою бытность на Соловках начертили, и вышло строение до того хорошо и удобно для жилья и занятий ученых, что просто сказать — чудо. Виды во все четыре стороны из него прекрасные, в комнатах светло и просторно — как войдешь в него, так и не вышел бы из него. Теперь остается одно — следует Вам самим приехать и сделать распоряжения, где чему быть и все готово к Вашим услугам» (цит. по: Фокин, 2013).

К сожалению, в 1881 году воспользоваться чудесной био-станцией ученые не смогли: у Общества естествоиспытателей не нашлось средств на финансирование беломорской экспедиции. Функции ученых отчасти взял на себя увлеченный архимандрит.

Общий вид Соловецкой биологической станции. 1897 г.

Фото: Б. В. Сукачев. Архив кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ (Фокин и др., 2006)

Из писем Мелетия к Вагнеру: «Ждал я Вас, мой почтеннейший в наступающее лето, но нет Вас. И никто из Вашего ученого Общества не изволил занять нового для Вашей науки помещения, которое было вовремя приготовлено для Вас. Теперь буду ждать Вас будущим летом, если только жив буду, с любовью приму всех Вас. <...> Наши рыбаки ловят рыбу морскую — треску сетями, в которую попала звезда морская о 12-ти весьма правильных рогах, сверху цвета темно-красного и так правильна во всех частях, что удивительно на нее смотреть. Я ее приказал высушить и хранить до Вашего приезда. Теперь всем рыбакам приказал, чтобы они присылали ко мне подобные вещи, и буду составлять музей из разных морских животных, коих, мои рыбаки говорят, великое множество и потому они мне начали приносить их» (цит. по: Фокин, 2013).

Наконец, летом 1882 года в новое здание прибыли ученые, и началась работа Соловецкой биостанции. Монастырь, кроме помещения, снабдил станцию также и специально сделанной для нее мебелью, бесплатно предоставил лодку и двух гребцов. Однако для полноценной работы биологов было необходимо еще очень многое. Требовалось обзавестись лабораторной посудой